

УДК 81'27; 81'246.3

DOI: 10.17223/1998863X/59/9

Е.А. Найман

СЕМИОТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена семиотическим механизмам формирования социального значения. В работе произведен анализ индексальности при помощи иконического отношения, создающего идеологический фокус данной проблемы. Кроме того, показана динамика перехода индексальных порядков: от исторической дифференциации, стилистического сдвига к стереотипизации. Выявлены границы применения теории индексальности к анализу социального значения.

Ключевые слова: индексальность, иконизация, индексальное поле, косвенный индекс, социальное значение, индексальный порядок, регистрирование, языковая идеология.

Введение

Теория социального значения необыкновенно обширна и будучи предметом заботы многих наук включает в себя анализ механизмов означивания и смысловой интерпретации различных культур, сообществ, личных историй, социальных институтов и отношений. Культурные ценности и нормы, власть и статус, стереотипы и конфликты – все это принадлежит сфере социальных значений. В последнее время многие науки интересуются лингвистическим аспектом социального значения, признавая за языком ключевую роль в обеспечении важнейших областей социальной и культурной жизни. Современная социология, антропология, социальная психология, философия признают конститутивную силу языка в структурировании социальных категорий и социальной жизни в целом, а потому зачастую для своей аналитической активности выбирают лингвистическое направление. Несмотря на то, что сугубо языковедческие дисциплины, как правило, лучше других подготовлены к анализу социального значения, этот потенциал, к сожалению, реализуется далеко не в полной мере. И прежде всего это относится к социолингвистическому знанию, которое обязано соответствовать высокому уровню сложности современных социальных взаимодействий.

Тем не менее необходимо отметить, что одно из важнейших направлений теоретизирования в социолингвистике последних лет – систематический анализ «социального значения» в языке. При этом наиболее продуктивное рассмотрение этого вопроса осуществлялось при помощи семиотической теории Ч. Пирса, чье понятие «индексальности» находится в сердцевине лингвистических и философских подходов современной прагматики.

Понятие «индексальность» за последние годы превратилось в основное средство анализа взаимоотношения между языковыми формами и социальными значениями, сосредоточив внимание исследователей на особенностях социальной оценки коммуникативной практики, а также ее идеологических и политических импликациях. Кроме того, индексальные отношения интересны в плане общего описания процессов социального и ситуативного субъек-

тивного дискурсивного позиционирования. Укорененные в пространственно-временном контексте речевого акта, индексальные знаки служат указателями крайне важных аспектов социального мира. При этом следует подчеркнуть, что индексальный процесс, возникающий на всех уровнях языковой структуры и использования, имеет решающее значение для конструирования идентичности, поскольку целый язык или какая-либо его характеристика способны выступать индексом социальной идентичности говорящего и типичных форм его деятельности. Необходимо отметить, что для социолингвистики наибольший интерес в языке представляет не изначально присутствующая индексальность, а целенаправленно или спонтанно возникающая во временном и социальном контексте и определяющая динамическое напряжение всей общественной жизни. В целом можно сказать, что индексальность играет важнейшую роль в формировании социолингвистического знания, используемого компетентными (социализированными) акторами при означивании и интерпретации.

Методология

Нужно подчеркнуть, что в анализ социального значения наиболее существенный вклад внесли вариационистские исследования У. Лабова, теория индексальности М. Сильверштейна, работы по языковой идеологии С. Гал и Д. Ирвайн и исследования по индексации гендера Э. Окс. Отправными методологическими точками данной статьи стали понятия «enregisterment» А. Ага, «иконизации» С. Гал и Д. Ирвайн, «прямого» и «косвенного» индекса Э. Окс, «индексального поля» П. Эккерт, «индексального порядка» М. Сильверштейна и «stance» А. Яффе. По нашему мнению, только собранные воедино перечисленные подходы дают возможность более глубокого понимания природы социального значения в языке.

Любопытно заметить, что ряд западных лингвистов (Окс, Коупленд, Белл и др.) считают, что современные рассуждения по поводу социального значения восходят к отечественным критикам и философам М. Бахтину и В. Волошинову, чей подход подчеркивает социальную конструкцию письменной и устной формы языкового поведения. Согласно их мысли, большая доля высказывания (устного или письменного) содержит уникальную социальную историю и социальное будущее. Голоса говорящего / пишущего и других акторов смешиваются в сообщении и становятся частью социальных значений, индексируемых внутри него. Такая критическая перспектива создает исследовательскую парадигму изучения отношения языка и социальных категорий (гендера, класса, возраста, этничности), при которой сама социальная категория способна генерировать собственное множество голосов.

В центре внимания статьи оказывается вопрос: каковы семиотические механизмы, посредством которых языковые формы получают индексальное значение? При ответе необходимо, во-первых, проследить процесс индексальности в языке, т.е. выявить механизмы объединения индексального значения и языковой формы. Во-вторых, произвести анализ индексальности при помощи иконического отношения, создающего идеологический фокус проблемы. В-третьих, показать динамику перехода индексов одного порядка в другие. Кроме того, преследуется цель обозначить методологические про-

блемы и границы, связанные с применением теории индексальности к анализу социального значения.

При этом обосновывается значимость контекстуально-перформативного подхода к исследованию социальных значений, способного объяснять процессы языкового конструирования социальной идентичности. Данный подход основан прежде всего на конститутивных отношениях между языком и социальными категориями, при которых языковые формы способны индексировать социальные значения, которые, в свою очередь, конституируют значения социальных категорий.

Индексальность и индексальное поле

Люди всегда пытаются установить связь между языковыми формами и социальными процессами. Языковые формы и даже целые языки могут выступать для них индексами конкретных социальных групп. Следует напомнить, что индексальные отношения – это семиотическая операция сопоставления двух сущностей или событий, при которой одно является причиной другого. Знак индексален в силу фактической смежности с обозначаемой вещью. Когда мы слышим гром, то зачастую видим молнию, дождь и почерневшее небо, а потому звук грома вызывает ожидание бури. Точно так же, если мы слышим особое произношение слова в тесной связи с определенным видом одежды, набором социальных обстоятельств или деятельности, то оно вполне способно создавать социальную идентичность. Индексальность же – это процесс, в результате которого и возникают индексальные отношения, указывая на то, что говорящие воспринимают языковые формы как показатели социального контекста, где их использование приобретает определенный смысл.

Индексальность тесно связана с понятием «дейксис», когда говорящие должны определить конкретное, контекстуальное значение каждого «я», «это» или «скоро», на которое указывают эти слова в момент их произнесения. Однако лингвистические антропологи утверждают, что все языковые формы, не только дейктические слова, являются индексами, т.е. воспринимаются носителями языка как признаки, указывающие на конкретный контекст, определяющий их значение. Например, местоимения или звания являются прототипическими референциальными индексами, имеющими заданные социальные значения, выражая природу социальных иерархий в обществе.

Главная особенность индексальности состоит в том, что связь знака и его объекта находится в прямой зависимости от социальной, временной и пространственной позиции говорящего или пишущего. Социальная индексация свидетельствует о том, что все языковые характеристики, начиная от единичного звука, набора лексических единиц, фраз, грамматических закономерностей и заканчивая целым стилем или особенностями дискурса, могут вызывать в сознании членов речевого сообщества стереотипные социальные характеристики и контексты употребления. Это означает, что в момент их употребления индивиды осознанно способны создавать абрис социального события, показывая свое отношение к нему. Формальность в голосе, например, может указывать на восприятие говорящим события как официального или индексировать ироническое отношение к происходящему. Употребление

вернакулярных форм может быть знаком напористости в одном контексте и дружелюбия – в другом.

Чувствительность аудитории к социальной позиции говорящего зависит от ее способности распознавать стереотипный оттенок языковых характеристик, которая, в свою очередь, обусловлена процессами социализации (дом, школа, рабочее место), где языковые формы прочно закреплены за определенными ценностями. Согласно Элинор Окс, «социализация – это и есть процесс приписывания ситуативных, т.е. индексальных значений (например, временной, пространственной, социальной идентичности, социального акта, социальной деятельности, аффективных или эпистемических значений) определенным языковым формам» [1. Р. 410]. В данном случае социальная индексация будет обусловлена статистически высокой частотой употребления языковых форм. Иными словами, частота моделей использования дает возможность говорящему воспринимать данную черту как значимую и устанавливать индексальную связь между ней и внешней характеристикой.

Исходя из того, что траектории социализации различаются, лингвистические особенности имеют множественные и даже конкурирующие социальные значения. Например, использование диалектов часто рассматривается одной группой как признак общительности и корпоративности, а другой – необразованности и уродливости речи. В то время как одни группы оценивают стандартный язык как изящный, другие связывают его с высокомерием и чванством.

Известны исследования Барбары Джонстоун в Питтсбурге [2], когда одни и те же языковые формы у определенной группы людей в одних контекстах ассоциируются с необразованностью, неаккуратностью или речью рабочего класса, а в других – с городской идентичностью. На футболках и кружках, встречающихся во многих частях англоязычного мира, содержатся диалектные слова, которыми гордятся большинство жителей города. К примеру, одной из наиболее характерных особенностей питтсбургского английского является слово, обозначающее второе лицо множественного числа. Хотя в стандартном английском такого местоимения не существует, в некоторых вариантах английского оно присутствует (например, «y'all» в южноамериканском английском). В Питтсбурге местоимение «yinz» («вы») адресуется группе людей от двух до бесконечности. И несмотря на стигматизацию, оно красуется на футболках, превращая местный языковой вариант в продукт потребления и гордости горожан за региональный диалект.

Кроме всего, социальные значения могут эволюционировать, как это было со многими стандартными языками, которые ранее ассоциировались с определенным регионом, а затем стали «нейтральными». Таким образом, социальная индексальность языковой переменной или стиля может быть многомерной, изменчивой и противоречивой. Она имеет то, что Пенелопа Эккерт называет «индексальным полем» – «полем потенциальных значений..., каждое из которых может быть активировано при ситуативном использовании переменной» [3. Р. 461]. Понятие «индексальное поле» указывает на широкий диапазон социальных значений переменной, поскольку она необязательно должна быть привязана к единственному значению. Зачастую одна языковая форма может индексировать для разных людей нечто совершенно противоположное. В частности, у говорящего может быть иное социальное значение

переменной, чем у слушателя. Таким образом, всевозможные лингвистические формы постоянно пропитываются разнообразными значениями. В результате индексальный порядок не является линейным, а развивается с течением времени в нескольких направлениях, порождая набор значений. Эти значения в каждый конкретный момент, временной период и составляют индексальное поле.

К примеру, датские лингвисты утверждают, что языковые ресурсы, которые ранее ассоциировались в основном с датским языком иммигрантов, в настоящее время становятся символом городского стиля речи [4. Р. 126]. А. Ага сообщает об аналогичном процессе для стиля RP в Британии. Если в XVI в. это был относительно неизвестный речевой стиль малочисленной элиты юго-восточной Англии, то в XVIII и XIX вв. он постепенно становится «нейтральным», идеальным речевым стилем для всего британского общества, а затем вновь превращается в символ класса.

Индексальность, иконичность и идеология

Каким образом индексальные значения приписываются языковым формам? Ответ удивительно прост: люди учатся «слышать» индексальный смысл языковых форм, когда им говорят об этом, и продолжают делиться своими мыслями об индексальных значениях до тех пор, пока рассказывают о них друг другу. В связи с этим в результате металингвистических операций, сами члены сообщества становятся источником речевой регулярности. Если говорить конкретнее, то связь между лингвистической формой и индексальным значением способна возникать в процессе межличностного взаимодействия.

В результате такой метакоммуникации, разговора о разговоре, рассуждений участников интеракции о языковых формах и их использовании возникают регистры, где связь между языковой формой и социальным фактором выглядит прочной и стабильной. Этот процесс известный лингвист Асиф Ага назвал «орегистриванием» (enregisterment). Согласно Ага, «регистры являются культурными моделями действий, связывающими различные знаки с типами людей, межличностными отношениями и видами поведения» [5. Р. 145]. При этом создается устойчивая связь языковой формы и контекста (регистр), а также с идентичностью говорящего или географическим фактором (социальные диалекты, региональные диалекты). Понятие «орегистривание» относится ко всем оценочным действиям, посредством которых множество языковых ресурсов ассоциируется с социальной ценностью (например, «элегантные», «из Москвы», «городские», «деревенские» и т.д.), что приводит к культурному признанию этой связи в качестве особого регистра или стиля.

Такие оценочные действия весьма разнообразны. Во-первых, они могут содержать языковые высказывания, непосредственно описывающие регистр и связанные с ним ценности, в форме исправлений («Не говори так», «Не употребляй этих слов» и т.д.) или обобщений («Когда ты так говоришь, то похож на москвича»). Во-вторых, оценивание может осуществляться через высказывания, скрыто выражающие отношение к индексальным значениям языковых форм при отсутствии их описания. Примерами могут служить различные виды речевой стилизации. И, наконец, в-третьих, возможна невербальная семиотическая деятельность (смех по поводу чужого акцента или произношения). Здесь важно подчеркнуть обязательный фактор оценочного

поведения, поскольку любое использование лингвистических ресурсов предполагает представление об их контекстуальной адекватности. Кроме того, оценочное поведение должно быть регулярным, иметь устойчивый эффект, чтобы люди могли распознавать комбинацию лингвистических и внелингвистических признаков в качестве регистра или стиля. Существенным является и то, что такие оценки всегда оказываются идеологическими, т.е. обусловленными взглядами сообщества на «хорошее», «цивилизованное» или «привлекательное» поведение, служащими для разграничения социальных групп и легитимизации их неравенства.

В этой связи необходимо обратиться к исследованиям Сьюзан Гал и Джудит Ирвайн по анализу индексального процесса посредством понятия «иконизация», представившим проблему социального значения в идеологическом ракурсе [6]. Данное понятие тесно связано с «enregisterment» Ага, поскольку предлагает пирсовское семиотическое объяснение этого процесса.

Индексальное отношение свидетельствует о фактической смежности знака и реальности, а иконический знак за счет подобия, будучи образом реальности, максимально с ней смешивается. Выше уже отмечалось, что в рассуждениях о социальном значении наиболее важным является процесс превращения индексальных ассоциаций в столь устойчивые и конвенциональные, что они становятся регистрами или стилями. Согласно Гал и Ирвайн, этот процесс осуществляется за счет «иконизации», при которой знаки воспринимаются тождественными своим объектам. Семиотический процесс иконизации есть идеологическая репрезентация языковой черты как формально подходящей группе, с которой она связана. Этот процесс создает иллюзию еще более неизбежной связи между ними, чем индексальная связь.

В результате иконизации для некоторых членов сообщества индексальные знаки выглядят как существенные, необходимые и «естественные» указатели различных социальных типов. Иконизация стирает ситуативные, случайные, политические связи между языковой практикой и социальным миром. Определенные языковые варианты считаются картиной сущностных или природных свойств социальных групп. Соответственно, утверждается мотивированная (несмотря на условность и историчность) связь между языковыми средствами и социальной группой. Люди верят, что использование какого-либо акцента или языкового ресурса несет в себе «объективное» значение «необразованного» говорящего или человека «низкого социального класса». И в этом смысле иконизация осуществляет натурализацию связи языка и социального мира, когда условный знак (символический, по существу) воспринимается *как если бы* икона (естественная связь) или индекс (объективная связь). Таким образом, мы можем сказать, что индексальность создает идеологию. В конечном итоге процесс индексализации выглядит как потенциальный путь к иконизации. При формировании идентичности индексальность серьезно полагается на идеологические структуры, поскольку связи между языком и идентичностью укоренены в культурных убеждениях по поводу характеристик индивидов, использующих определенные виды языка.

С. Гал приводит яркий пример иконизации, обращаясь к Сенегалу. В XIX в. перед европейскими лингвистами, работавшими в этой африканской стране, стояла задача занести на карту границы этнических групп и языков. Все три языка – фула, волоф и серер – настолько смешивались и пересекались в речи

жителей страны, что не соответствовали четкому территориальному распределению. Тем не менее они были тесно связаны с религиозной и политической организацией сенегальского общества. Фула – язык исламской ортодоксии, а серер, наоборот, ассоциировался с сопротивлением исламу и сохранением местных доисламских религиозных практик. Исламские клерикалы говорили, что говорящий на серер не попадет в рай. В политическом же аспекте доминировал волоф – язык политической администрации. Европейские лингвисты интерпретировали эту региональную ситуацию с точки зрения воображаемой истории расовых взаимоотношений и исторических завоеваний. Считалось, что коренное черное население было примитивным и не знало никакой социальной организации, кроме семьи. Ислам же, благодаря завоеваниям, привнес государственную организацию, а его представители интеллектуально превосходили местное население. В результате были созданы следующие идеологические конструкции языков: фула называли «нежным» языком, а его носителей – «интеллигентными» людьми. Фулаговорящие считались «высшей» расой, поскольку привнесли «наилучшую» религию и иерархическую социальную организацию. Говорящие на волоф – менее интеллигентны, а серер считали «простым» языком, а носителей – «примитивными» людьми. При этом высокая морфологическая сложность этого языка не принималась в расчет. Другими словами, разницу в языках лингвисты рассматривали как иконическое отображение различий в менталитете, истории и социальной организации членов сообщества. А поскольку лингвистическая идеология – целостное видение, то элементы, не вписывающиеся в его структуру, либо игнорируются, либо искажаются.

В рамках лингвистической идеологии языковые средства как будто бы отражают культурные образы людей, их деятельности и психологии. Собственно, за счет этого люди самоопределяются относительно воображаемых или реальных «других». «Другие» выглядят однородными, их языковое поведение существенно упрощается, а язык рассматривают как прямое отражение личностных свойств. Языки отражают контрастные отношения между группами, и эти интегративные отношения лежат в основе идеологических конструкций, идеологических представлений языковых практик.

Лингвистические идеологии иногда всплывают в открытых дискуссиях о языке, но чаще остаются невысказанными и бессознательными. В большинстве случаев члены сообщества едва ли догадываются об их существовании. Эти идеологии «натурализованы», т.е. представляют собой общезначимые взгляды на язык и общество, воспринимаемые как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее они могут иметь серьезные социальные и политические последствия – от индивидуальной дискриминации до вооруженных конфликтов.

Индексальный порядок

Индексальный процесс был предметом пристального внимания антрополога и лингвиста Михаила Сильверштейна, выделившего три порядка индексальности [7]. Во многом его концепция пересекается с концепцией У. Лабова, выступившего родоначальником теории социального значения в лингвистике в середине 60-х гг. Позвольте проследить все три порядка индексальности как последовательные шаги регистрации социального значения.

Следует начать с групповой дифференциации, когда группа (или индивид) обретает идентичность согласно социальной оценке членов самой группы и представителей других групп сообщества. Суть оценки состоит в том, что общество определяет социальную позицию группы с точки зрения ее престижа и статуса. При этом группа может иметь какие-либо языковые отличия от других групп, что создает контраст между речью ее представителей и остальными членами сообщества. Языковые формы, выражающие эти различия, были названы Лабовым «индикаторами», а Сильверштейном – «индексальностью первого порядка».

Индикаторы – это языковые формы, чье использование коррелирует с социодемографической идентичностью (регион, класс, гендер). Однако носителям языка корреляция не заметна, поскольку «все так говорят». Эти языковые формы люди просто неосознанно последовательно употребляют независимо от того, где и с кем говорят. Именно поэтому индикатор не чувствителен к стилистическому сдвигу. Однако статистическая частота использования языкового варианта может служить основой групповой дифференциации. По существу, только лингвист знает об индикаторах, а для остальных они не представляют интереса, и члены сообщества не используют эту корреляцию при интерпретации речи других людей или определения социальной идентичности. Сам индикатор – это ключ к социальной информации, но ему свойственна нейтральность (ни «хороший», ни «плохой»). Любопытно, однако, что индикатор может просто показывать статистически различное употребление между группами (одна языковая форма больше используется взрослыми, рабочими, женщинами и т.д.), не наделяя языковую форму обязательным социальным значением. Для того чтобы она его обрела, необходима языковая оценка.

И вот на каком-то историческом этапе отличительная речевая черта группы может привлечь внимание. После того как эта особенность замечена, ее можно будет извлечь из лингвистического окружения и рассматривать как индекс данной группы населения. В то же время члены других групп начинают использовать эти языковые формы, чтобы сигнализировать о потенциальной причастности к ней или ее ценностям. Лабов называл такие языковые переменные «маркерами», а Сильверштейн – «индексальностью второго порядка».

Маркеры отличаются от индексов тем, что всегда осознаются и последовательно употребляются в том или ином стиле. Люди осознают маркеры по причине их прочной связи с социальной группой и стилем речи. В большинстве своем языковые формы – это маркеры, индексы второго порядка, оцениваемые и подверженные стилизации. Достаточно мало языковых переменных остается на уровне индикаторов, поскольку индексальность первого порядка является предпосылкой индексальности второго порядка.

Следует отметить, что как только языковая переменная начинает оцениваться, то непременно становится предметом стилового сдвига. Это объясняется тем, что люди, осознавая языковую черту социально значимой, немедленно начинают сдвигать свой речевой стиль в ее направлении или же перестают ее использовать. Все здесь определяется местом, которое занимает группа в социальной иерархии общества, использующая эту форму. Если группа высокостатусная, то дает престижную модель для членов сообщества

в отношении правильности, корректности, и те будут сдвигать свою речь в направлении языковых форм этой группы. Этот феномен Лабов назвал «гиперкоррекцией сверху». Кроме того, высокостатусная группа может заимствовать языковые формы извне сообщества (из других речевых сообществ, обладающих высоким престижем). Если же группа низкостатусная, то ее языковым формам тоже могут подражать, потому что они выражают местные, локальные, групповые ценности, которыми люди могут гордиться. Но чаще случается, что их сообщество начинает осуждать и со временем они исчезают.

Некоторые лингвистические переменные становятся предметом повышенного внимания, комментариев или критики. Лабов назвал такие формы «стереотипами», а Сильверштейн – «индексами третьего порядка». Стереотип – языковая форма, подверженная открытому социальному комментарию (возвеличиванию или осуждению).

Языковые стереотипы – это характеристики, которые мы ожидаем услышать от человека, потому что полагаем, что он должен их использовать в своей речи. Допустим, сообщество полагает, что члены группы А – «грубые» люди. Следовательно, все остальное их поведение будет оцениваться негативно. Если люди из группы А курят трубку, то все, курящие трубку, также будут «грубыми». Другими словами, поведение, характеризующее людей из группы А, будет оценено также плохо. Все то же самое и относительно языка. Если «грубые» люди используют языковые формы в своей речи, то эти формы будут «грубыми». Например, негативное отношение к языку рабочего класса определяется негативным отношением к данной группе.

Теорию Сильверштейна прекрасно иллюстрируют классические исследования в области социального значения Джонстоун в Питтсбурге (штат Пенсильвания), где она совместно с университетскими коллегами в середине 2000-х гг. проследила социальную историю местного диалекта сквозь призму всех трех индексальных порядков – исторической дифференциации, стилистического сдвига и стереотипизации.

В Питтсбурге – постиндустриальном городе США – по разным историческим причинам можно услышать многочисленные нестандартные английские формы. До 1960-х гг. использование этих форм могло быть связано с образом «человека из Питтсбурга», и они чаще встречались в мужской речи, чем женской. Однако большинство питтсбуржцев не замечали этих корреляций и не связывали их с идентичностями. Лишь начиная с 60-х гг. большинство членов сообщества обратили на них внимание благодаря метапрагматической деятельности, сделавшей их значимыми. Это происходило в конкретных контекстах: устройство на работу, требующую «правильной» речи; возвращение из отпускных путешествий с рассказами про реакцию на их речь чужих людей; чтение газетных статей, описывающих странности местного диалекта.

Именно с этого момента жители города начали варьировать употребление вернакулярных форм в зависимости от коммуникативных целей. Они используют их, когда пытаются звучать более «регионально», непринужденно или подражая речи рабочего класса. Другими словами, на этом этапе локальные особенности стали функционировать как индексы второго порядка, пройдя процедуру «enregistered». Языковые формы установили прочную

связь с идентичностями, а потому человек, использующий их, показывает свою приверженность ценностям рабочего класса или просто провоцирует преподавателей английского языка. В этом смысле индекс первого порядка может появиться в самых разнообразных идеологических измерениях, т.е. стать частью различных регистров. Соответственно, члены сообщества, соответственно их классовым, образовательным или гендерным характеристикам, могут употреблять данные языковые ресурсы с различной целью, а также по-разному их оценивать в момент произношения. К примеру, женщины воспринимают вернакуляры как признаки уродливой, неряшливой речи и необразованности говорящего, располагая их на противоположном конце идеологического полюса языковой правильности. Мужчины же оценивают местные формы как знаки солидарности и брутальности.

Кроме того, одни и те же языковые характеристики могут начать использоваться в рамках новой идеологической схемы. Например, по причине того, что определенные варианты у жителей Питтсбурга коррелируют с рабочим классом и маскулинностью, то со временем они превратились в индексы «настоящего» горожанина. Идеологический формат здесь таков: подлинны питтсбуржцы – это мужчины из рабочего класса. Именно поэтому люди, стремящиеся создать ощущение таковых, с готовностью используют данный регистр. Языковые формы, получившие новые значения, могут быть квалифицированы как стереотипы, т.е. индексы третьего порядка. Этот процесс «орегистривания» может продолжаться бесконечно. К примеру, если люди из других населенных пунктов будут связывать города, где используют данные диалекты, с постиндустриальным «Ржавым поясом» (Rust Belt), а города, не имеющие их, с новой инновационной экономикой, то языковые формы Питтсбурга получат новое индексальное значение еще на одном идеологическом уровне.

Субъективные позиции и косвенные индексы

Пожалуй, наибольшей проблемой применения теории индексальности к анализу социальных значений является необходимость постоянно избегать интерпретации языковых форм как прямых индексов социальной идентичности. В данном контексте возникает требование более тщательного изучения лингвистических признаков с позиции оценки говорящими самого взаимодействия и его участников. Такую линию исповедуют лингвисты (Яффе, Окс), исследующие субъективную позицию («stance») актора при выборе стиля, оценки формы или содержания своего высказывания, выстраивании отношения с другими собеседниками и происходящими событиями. Как отмечает Александра Яффе, «все языковые системы, индексируемые позициями, встроены в политическую, социальную, идеологическую и культурную сферы деятельности. Таким образом, все индивидуальные акты, характеризующие позиции, по определению являются косвенными индексами этих сфер и играют опосредующую роль в процессах идентификации» [8. Р. 13]. В этом смысле понятие социолингвистической позиции является перформативным, поскольку рассматривает идентичности как дискурсивный конструкт, а не как стабильные и постоянные сущности.

Таким образом, социальная идентичность может пониматься как совокупность позиций, занимаемых в течение времени. «Stance» есть ничто иное,

как дискурсивное позиционирование перед аудиторией. К примеру, выбор говорящим вернакулярных форм при обращении к вышестоящему может выражать его напористую и самоуверенную позицию, а может служить намеком на то, что «я – свой, местный», если авторитету об этом уже известно. В этой перспективе языковые (совместно с нелингвистическими) характеристики приводят к целому ряду мгновенных и мимолетных результатов процесса взаимодействия. Если же позиции принимаются многократно, становясь рутинными, то превращаются в индексы более постоянной индивидуальной или групповой идентичности.

Роль субъективных позиций в индексальном аспекте языковых практик с наибольшей убедительностью показала Элинор Окс в ее исследованиях по «индексации гендера». Американская исследовательница расширяет понятие индексальности, доказывая, что связь между языковой формой и социальной идентичностью не является прямой и непосредственной. По мысли Окс, языковые структуры связаны с социальными категориями косвенно, через довольно сложную цепочку семиотических ассоциаций. Лишь немногие (если таковые вообще имеются) языковые формы индексируют единственную социальную идентичность.

Работая в области гендерных исследований, Окс вводит понятие «косвенного индекса» гендера. По сути, «субъективная позиция» Яффе есть форма косвенной индексальности Окс. Зачастую определенные языковые формы считаются прямыми индексами мужской или женской речи. Однако это не значит, что их используют только мужчины или женщины. Они могут быть связаны с рядом других социальных значений. Например, вернакулярная форма может индексировать маскулинность, но такой индекс будет косвенным, поскольку его употребляют представители обоих полов. В связи с этим многие языковые формы связаны с социальной категорией (гендером, например) через их использование в различных речевых актах (приказах, просьбах и т.д.), связь с определенными аффективными состояниями (неуверенности, самоуверенности и т.д.) или дискурсивными действиями (публичное выступление, утешение расстроенного человека и т.д.). Другими словами, знание о том, как язык связан с социальной категорией, основано на понимании того, как используются те или иные языковые формы для выполнения определенной прагматической работы. Следовательно, лучший способ понять значение языковой формы – это понять то, каким образом члены сообщества проявляют себя в тех или иных обстоятельствах, речевых актах или дискурсивных действиях. В этом плане языковые формы словно сами «наполняются» социальной категорией или социальным образом.

Как отмечает Окс, «многие языковые характеристики, которые в литературе изначально связывались либо с мужчинами или женщинами, имеют свое основное социальное значение в отдельной аффективной позиции» [9. Р. 341]. Лингвист приводит пример, когда языковые формы, считающиеся мужскими и женскими, имеют социальные значения, связанные с аффективными состояниями. В японском языке есть частицы, которые ставятся в конце предложения и показывают оценку говорящим всего предложения. Эти частицы зачастую являются гендерными. Например, использование «*ze*» рассматривается как «мужское», а «*wa*» – как «женское». Однако же эта связь между частицей и полом носит вероятностный характер. Не все мужчины и не всегда

используют частицу «ze» и далеко не всегда все женщины ее избегают. Окс показывает, что в действительности «ze» является прямым индексом уверенной позиции, а «wa» – прямым индексом позиции замешательства. Частица «ze» усиливает высказывание, а частица «wa» его существенно смягчает. Поскольку открытое выражение уверенности в японском обществе связано с маскулинностью, а выражение неуверенности связано с женственностью, то лингвистические формы «ze» и «wa» являются соответственно косвенными индексами мужского и женского. Когда кто-либо в Японии хочет говорить мягко и нежно, как женщина, то использует в конце предложения «wa», а если хочет звучать, как мужчина, то должен употреблять «ze». Предпочтительное распространение «ze» в мужской речи определяется культурными нормами, связанными с состоянием уверенности. И частота частицы «ze» в мужской речи японцев будет отражать культурные нормы (предписывающие, что так положено мужчинам), а не их биологическую мужскую природу. Следовательно, эти нормы не отражают пол, а формируются благодаря социальным конвенциям и открыты для обсуждения.

К примеру, рассмотрим вопросительное предложение. В ряде концепций эта языковая форма является индексом женской речи, демонстрируя ее неуверенное состояние. Якобы женщины пытаются постоянно проверять свое мнение или прояснять какие-то факты. Однако вопрос имеет множество функций. Он не только является способом получения информации, но в разных видах дискурсивной активности может быть прямым индексом вежливого внимательного отношения к собеседнику или поддержания беседы. Поэтому не может быть единого распределения вопросов по социальным группам в речевом сообществе. Использование «смягчающих» языковых форм в речевых актах приказа или требования – не прямой индекс женственности, а субъективная позиция, принимаемая целым рядом менее влиятельных людей в обществе, включая как женщин, так и мужчин. Тем не менее в рамках политических и идеологических процессов эти индексальные отношения «натурализуются» и рассматриваются как прямой индекс социальной идентичности.

В 90-е гг. усилиями Окс формируется контекстуально-перформативный подход, суть которого состоит в том, что индивиды могут сами активно вовлекаться в конструирование своих социальных позиций. Гендерные роли человека могут изменяться в течение жизни. И как женщины, так и мужчины сами способны формировать свои гендерные позиции в зависимости от истории их жизни. Главный вопрос созвучен вопросу Остина: что делают мужчины и женщины при помощи слов? Гендер – не фиксированный атрибут личности, а нечто, возникающее через повторяющиеся перформативные практики. Подход Окс выходит за рамки традиционных корреляций между языковыми переменными и социальными идентичностями как фиксированными и стабильными категориями. Вначале внимание аналитика обращается на позиции субъекта и отношения, которые проявляются через формы разговора, а на втором уровне анализа он выясняет, каким образом они статистически и / или стереотипически отображаются на языковых системах («акцент», «диалект», «язык», «смешанные коды») или категориях дискурса (регистр, жанр, дискурс).

Заключение

В традиционной социолингвистике (вариационизме) социальные категории напрямую связывались с языковыми формами членов сообщества. Знание о способе связи языка с социальной категорией состояло в перечне корреляций языковой формы и группы использующих их людей. Человек употребляет какую-либо форму, потому что он представитель рабочего или среднего класса, мужчина или женщина, молодой или пожилой. Однако язык не просто отражает социальную категорию; формы языка выступают средством определения человеком своей идентичности. Если раньше полагали, что языковой вариант – это простое отражение социальной категории, то в настоящее время считается, что сами люди, входящие в эту категорию, своим лингвистическим и нелингвистическим поведением определяют ее значение. Традиционная социолингвистика утверждала, что люди говорят определенным образом, потому что они *такие*, а современный подход провозглашает: люди таковы, потому что *так говорят*. Человек использует один вариант чаще другого не потому, что он мужчина, а потому что, говоря так, он *конструирует* себя в виде образца мужественности. Большинство языковых ресурсов индивиды могут использовать весьма креативно ради позиционирования себя тем или иным способом.

Люди не автоматически исполняют заученное в процесс социализации, а строят свою речь с учетом сложной сетки социальных значений. Уровень вариативности их поведения чрезвычайно высок: в смешанных и однополых компаниях, неформальной и формальной обстановке, при исполнении различных ролей реализация какого-либо социального типа поведения будет весьма различной. Таким образом, контекстуально-перформативный подход на основе теории индексальности видится наиболее перспективным методологическим средством анализа социального значения.

Литература

1. Ochs E. Linguistic resources for socializing humanity // Rethinking linguistic relativity / eds. J. Gumperz, S. Levinson. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 407–437.
2. Johnstone B., Andrus J., Danielson A.E. Mobility, indexicality, and the enregisterment of “Pittsburghese” // Journal of English Linguistics. 2006. Vol. 34. P. 77–104.
3. Eckert P. Variation and the indexical field // Journal of Sociolinguistics. 2008. Vol. 12 (4). P. 453–476.
4. Madsen L.M. ‘High’ and ‘low’ in urban Danish speech styles // Language in Society. 2013. Vol. 42. P. 115–138.
5. Agha A. Language and social relations. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
6. Irvine J.T., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation // Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities / ed. P.V. Kroskrity. Santa Fe, New Mexico : School of American Research Press, 2000. P. 35–83.
7. Silverstein M. Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life // Language and Communication. 2003. Vol. 23. P. 193–229.
8. Jaffe A. Introduction: The Sociolinguistics of Stance // Stance. Sociolinguistic Perspectives / ed. A. Jaffe. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 3–29.
9. Ochs E. Indexing gender // Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon / eds. A. Duranti, Ch. Goodwin. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 335–358.

Evgeny A. Naiman, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: enyman17@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 87–100.

DOI: 10.17223/1998863X/59/9

SEMIOTIC MECHANISMS OF SOCIAL MEANING FORMATION IN LANGUAGE

Keywords: indexical order; indexical field; indexicality; enregisterment; social meaning; indirectly index; iconization; language ideology.

This article focuses on the semiotic mechanisms of social meaning formation. In contemporary sociolinguistics, the concept of indexicality has been a central means of studying the relationships between language forms and social meanings. The semiotic mechanisms are based on the process of indexicality, through which language forms acquire indexical meanings. The methodological sources are the theories of: language ideology (S. Gal, J. Irvine), indexing gender (E. Ochs), “orders of indexicality” (M. Silverstein), and also the concepts “enregisterment” (A. Agha), “indexical field” (P. Eckert), “stance” (A. Jaffe). I argue that, taken together, these approaches constitute a framework for understanding the problem of social meaning in language in a systematic way. The article analyses indexicality with the help of the iconic relation, which creates the ideological focus of the problem. In addition, the dynamics of transition of indexical orders are shown: from historical differentiation, stylistic shift to stereotyping. The limits of the application of indexicality theory to the analysis of social meaning are revealed. At the same time the significance of contextual-performative approach to the study of social meanings, which uses the concept “indirect indexicality”, is substantiated. This approach is based on constitutive relations between language and social categories, in which language forms are capable of indexing social meanings, which, in their turn, constitute meanings of social categories.

References

1. Ochs, E. (1996) Linguistic resources for socializing humanity. In: Gumperz, J. & Levinson, S. (eds) *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 407–437.
2. Johnstone, B., Andrus, J. & Danielson, A.E. (2006) ‘Mobility, indexicality, and the enregisterment of “Pittsburghese”’. *Journal of English Linguistics*. 34. pp. 77–104. DOI: 10.1177/0075424206290692
3. Eckert, P. (2008) Variation and the indexical field. *Journal of Sociolinguistics*. 12(4). pp. 453–476. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2008.00374.x
4. Madsen, L.M. (2013) ‘High’ and ‘low’ in urban Danish speech styles. *Language in Society*. 42. pp. 115–138. DOI: 10.1017/S0047404513000018
5. Agha, A. (2007) *Language and Social Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Irvine, J.T. & Gal, S. (2000) Language ideology and linguistic differentiation. In: Kroskrity, P.V. (ed.) *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, New Mexico: School of American Research Press. pp. 35–83.
7. Silverstein, M. (2003) Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*. 23. pp. 193–229.
8. Jaffe, A. (2009) Introduction: The Sociolinguistics of Stance. In: Jaffe, A. (ed.) *Stance. Sociolinguistic Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. pp. 3–29.
9. Ochs, E. (1992) Indexing gender. In: Duranti, A. & Goodwin, Ch. (eds) *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 335–358.